

№ 11(23)

**ФАНТАСТИКА
И ДЕТЕКТИВЫ**

16+

Журнал «Фантастика и Детективы»

Сборник

**Журнал «Фантастика и
Детективы» №11 (23) 2014**

«ИП Анпилова Н. А. (Сипета)»

2014

Сборник

Журнал «Фантастика и Детективы» №11 (23) 2014 / Сборник — «ИП Анпилова Н. А. (Сипета)», 2014 — (Журнал «Фантастика и Детективы»)

В номере: Татьяна Романова. Дни Окаянных Цуркан Валерий. Ищите меня в Подстепках Ткачева Юлия. Психофаги Рахметов Андрей. Мясо Бортникова Лариса. Любовь и смерть биотехника Евстигнеева

© Сборник, 2014

© ИП Анпилова Н. А. (Сипета), 2014

Содержание

Дни Окаянных	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Коллектив авторов Журнал «Фантастика и Детективы» № 11 (23) 2014

Дни Окаянных

Татьяна Романова
17 июня 1988 г.

– Он не откроет, Клем, – простонал Олев. – Сегодня же ночь Окаянницы, все монахи канон читают. Не до нас ему.

– Вацек! – заорал Клеман, сиюсь перекричать весь этот кошмар – завывания ветра, всхлипывания Олева, треск выстрелов, до сих пор отдающийся эхом в ушах. – Открой, тетеря ты этакая!

Беда у нас!

Ветер швырнул ему в лицо пригоршню мелких колючих градин. В сплетениях ветвей, истерзанных непогодой, затанцевали блеклые сполохи болотных огней. Дрянная ночь. Ночь Каськи.

Уже двести с лишком лет монахи-исконники читают её главу из Книги Грешников – а всё не уймется чёрная душа. Не дай Бог в эту ночь оказаться вдали от людского жилья.

Дверь приоткрылась, выпуская в промёрзший воздух клубы пара. Брат Вацлав близоруко сощурился, вглядываясь в ноябрьскую ночь.

– Впусти, – прохрипел Клеман.

– Да-да, конечно, – засуетился монах.

Вдвоём они втащили Олева в келью, положили на скамью.

От тепла и запаха ладана закружилась голова. Клеман опустился на пол. Оперся о стену, запрокинул голову – и комната поплыла перед глазами.

Господи-боже, да я ж его пять миль на руках тащил. Милю – через лес. Это в Каськину-то ночь... Ирене или ещё кому из Братства скажи, так не поверят!

– Как всё случилось-то? – голос Вацлава вырвал из уютного забытья.

Как случилось? Прав был Маркус, царствие ему небесное. Не стоило в ночь Окаянницы на такое важное дело отправляться. Но ведь граф Ловицкий, заклятый враг Братства, лишь на пару дней приехал из метрополии. Хорошо хоть Иренку с собой не взяли – а она так просила...

– Они знали, что мы придём, уроды эти, – Клеман скрипнул зубами. – Им сказал кто-то, Вацек. Кто-то наш.

Что-то с силой ударилось о дверь, умчалось в бесприютную темень леса. Пламя свечи взметнулось тонкой струной, почти дотянувшись до потолка.

Вацлав испуганно бросился к кафедре. Склонился над раскрытой книгой, что-то торопливо забормотал. А Олев так и остался лежать на скамье с иглой, торчащей из распоротого плеча.

– Вацек, ты что?!

– Ты жить хочешь? – в голосе Вацлава прорезалась угроза. – Это канон. И его надо дочитать. Сегодня – надо.

Небо расколола молния.

– А-а-а, Каська идёт, – всхлипнул Олев. – Заберёт нас всех, предателей...

– Да он же помирает! – взмолился Клеман. – Бредит уже!

Вацлав поднял взгляд. В дрожащем свете лампы его лицо казалось старше и строже.

– Читай сам. Вместо меня. В Каськину ночь. Согласен?

– Но я по-старому не умею!

– Читай как можешь. Или штопай.

– Ладно, – пробормотал Клеман, неуклюже пробираясь за кафедру. – Ты уж только сделай всё как надо.

Вроде и знакомые буквы – а что написано, не поймёшь. Все с какими-то крючочками, точками. И пробелов между словами нет – всё сплошь. А, вот заглавная буква. Ка-цирина. Каська, значит.

Ободрённый успехом Клеман двинулся дальше. Читать оказалось на удивление легко – буквы сами складывались в слова. Хотя что удивительного в том, что язык предков дался чистокровному валаццу? Кровь не водица.

Кровь?

На странице остался бурый след от пальца. Конечно, руки-то недосуг было помыть. Ох, Вацек и взбесится! Хотя книга старая, грязная – может, не заметит?

На слух выходила полная галиматья, но смешно почему-то не было. Было страшно. Как в детстве, когда утром выбежишь на купальные мостки и замрёшь на краю, закрыв глаза. В

камышах птицы верещат, ступни ощущают скрипучее тепло деревянных досок, а всё равно по спине дрожь пробегает: одно неверное движение – и болтаться тебе в ледяной илистой воде.

С треском ударилась о стену оконная рама. Закричал Олев. Вацлав метнулся к кафедре, повис на руке друга, пытаясь оттащить его прочь – но тот, обуянный непонятной силой, продолжал читать. Алой полосой вспыхнули во тьме последние строчки канона, и Клеман прочел их – без усилий, будто знал с детства...

И стало тихо.

А потом постучали в дверь.

– Эт-то кто? – зубы Вацлава выбивали дробь. – Ты к-кого-то ждёшь?

Клеман медленно помотал головой.

Маркуса убили. Ирена обещала, что будет ждать их до утра на квартире Братства.

Погоня? Нет, жандармы не стали бы церемониться. Дверь с петель, прикладом по голове – вот и вся недолга. Таких разве смутит символ веры над входом в келью?

– Каська, – всхлипнул Олев. – Душегубица пришла...

Клеман выхватил из-за голенища нож – единственное оружие, которое осталось. Шагнул к двери, замер, прислушиваясь.

Стук повторился.

– Открой, что ли, – проговорил Вацлав через силу.

Луч света выхватил ссадину на впалой щеке, тёмную прядь волос, прилипшую ко лбу. Девушка, Бог мой. Всего лишь девушка. Вот только – что она делает в лесу в ночь Окаянницы?

– Мне войти? – тихо спросила она.

Клеман нерешительно посторонился. Девушка, шурясь от яркого света, шагнула за порог. Блеснуло отражённым светом лезвие меча, который она тащила за собой.

– Эй, брось! Меч брось, говорю!

– Да. Да, господин.

Железяка с глухим стуком упала на пол. Гостья вздрогнула, обхватив плечи руками. Обвела испуганным взглядом келью, – и замерла, уставившись на один из тёмных образов.

– Кто это?

– Чудовище, – ответил Вацлав, выглядывая из-за кафедры. – Каська-окаянница. Знаешь такую?

– Как не знать, – невесело усмехнулась гостья. – Какой год на дворе, господин?

– Семь тысяч третий. Это на имперский лад. А по-валатски – восемьсот сорок седьмой.

– А... мэтр Эрлих мёртв? Тот палач, который...

– Сгнил давно.

Она беззвучно заплакала, закрыв лицо грязными руками. Клеман стоял в двух шагах и не знал, что делать.

– Помер, точно говорю. Через пару лет после... тебя. Ты ведь Каська?

Она испуганно выпрямилась. Яростно смахнула слёзы рукавом, содрав корку со ссадины на щеке.

– Господин, я что угодно для вас сделаю! Но не возвращайте меня обратно, не надо! У вас враги есть? Я убивать умею, уж поверьте. Ничего больше не умею, но это – лучше всех. Только не обратно. Умоляю!

В ее глазах не было ничего, кроме страха.

И это – Окаянница? Самая мрачная из теней века Бескорольевья? Та, перед которой когда-то склонила главу столица метрополии? Убийца, одержимая идеей спаять кровью раздробленные княжества Запада – что ж, у неё получилось. Вот только на троне оказался её неприметный соратник Стефан, через пару лет сдавший без боя новорожденное государство ненавистной Империи, а Душегубица попала в ласковые руки мэтра Эрлиха, хозяина пыточных застенков.

Клеман мрачно кивнул. Тонкие губы Окаянницы расплзлись в дрожащей, неуверенной улыбке.

Отчаянно захотелось оказаться на месте Олева. Странствовать в горячем бреду по неведомым мирам и не принимать участия в этом мистическом паноптикуме.

– Клем, – окликнул его Вацлав. – Вот, глянь. За подкладкой у Олева было.

Клеман, тревожно оглядываясь на замершую Каську, развернул сложенный вчетверо мокрый документ. Чернила поплыли, но все равно можно было различить очертания букв. «Седьмой отдел... сим удостоверяю... на службе Его Величества...»

– Откуда у Олева эта дрянь? – только и спросил Клеман.

– Привыкайте, господин, – отозвалась Каська. – Это всегда так. Я-то знаю.

– Что делать будем? – спросил Вацлав – в сотый, наверное, раз. – Убьём гада?

За окном уже брезжил рассвет, пора было возвращаться в город – но не оставлять же всё, как есть!

Грудь Олева мерно вздымалась, на запавших щеках плясали пятна лихорадки. Окаянница забила в дальний угол кельи и тарасилась оттуда дикими глазами.

– Но нельзя же так – больного, раненого. Он, может, сам помрёт.

– Не помрёт. Раны затянутся, и полетит, сокол, сдавать нас жандармерии.

– Ну вот оклемается...

– Ага. А смысл тогда лечить?

Они замолчали под пристальным взглядом Каськи.

– Да все просто, господин. Вам стоит лишь приказать, – она отбросила за спину мокрые патлы. – Вам-то нечего грех на душу брать. А мне от своих уж не отмыться.

– Давай, – коротко кивнул Вацлав. – Клем, она же пра...

Пальцы Окаянницы сомкнулись на плетеной рукояти.

Вацлав охнул и зажмурился. А Клеман, стиснув зубы, заставил себя смотреть, как лезвие с мерзким чавканьем вошло в грудь Олева. Он умер мгновенно – ни криков, ни слёз. Миг – и Каська уже стояла у стены, вытирая клинок подолом своей хламиды.

– Всё? – спросил Вацлав хрипло.

– Всё, – отозвался Клеман.

Было тихо. Лишь с мерным стуком бились о стекло запоздалые капли дождя.

– Упокой, господи, – прошептал Вацлав. – К-катаржина, а ты любого, что ли, можешь убить?

Она замерла. Пальцы нервно сплелись на рукояти меча.

– Да, – наконец ответила она. – Если прикажете. Убью, господин. Кого угодно – лишь бы не возвращаться.

– Есть один граф, – сказал Вацлав, тяжело дыша. – Он плохой человек.

Клеман смог лишь позавидовать выдержке друга. Это же надо – во всём этом кошмаре помнить о самом главном? Ловицкий-то жив!

– Прямо сейчас?

– Сейчас, конечно! – подскочил Клеман.

– Нет, – отрезал Вацлав. – Завтра. В театре. Чтобы все видели.

* * *

Народа в театре, несмотря на ранний час, было предостаточно. Ну ещё бы: пьесу бесплатно показывают. А то, что эту пьесу сочинил мерзкий Пауль Ловицкий, столько хороших и честных людей за решетку пересажавший, их, видите ли, не заботит. И то, что пьеса про иуду Стефана, который продал их родную валатскую землю Империи – тоже мелочи. Как можно

смотреть на ряженных властителей, когда где-то здесь, в трущобах бывшей столицы, скрывается всеми покинутый истинный правитель, князь Родольф?

Ничего, мрачно улыбнулся Клеман, опершись о резной бортик галёрки. Будет вам представленище. Лишь бы Окаянница не подвела!

Утро было поистине безумным. Вацлав снова и снова заставлял Клемана читать строки канона, записывая, как он произносит слова.

– Наконец-то я понял, – взгляд монаха лучился мрачным торжеством. – Какие же хитрюги были наши предки! Зашифровать в каноне искомников заклинание – это очень по-валатски! А я все думал, почему в униатской церкви читают жития святых, а у нас – великих грешников. Как там обычно говорят? Душу отмолить? Дать шанс на искупление? А, белыми нитками шито! В каноне – двести имен. И все такие, как наша Катаржина. Только представь, какая армия получится? Целое призрачное воинство! Тогда-то уж Валация расправит плечи!

Завизжали скрипки из оркестровой ямы. Бархатные края занавеса разъехались в стороны.

Ловицкий! Сердце Клемана забилось от ярости. Сколько раз таращился на него со страниц газет этот напояженный мерзавец! И вот он. Здесь, рядом, в полусотне шагов. Одутловатые щёки разложены по накрахмаленным брыжам: ни дать, ни взять – кабанья голова на блюде. Эх, в эту бы башку, да из «Аузрума» разрывным патроном!

Клеман в сотый раз огляделся по сторонам. Да где она, где?

– Чего ёрзаешь, чума? – прошипел сосед, пожилой усач в почтмейстерской шинели.

Не придёт она. Точно не придёт. Вацек тоже хорош – демону верить.

Граф замер на краю сцены, обводя взглядом зал. И тут белоснежную рубашку рассекла алая полоса. Из партера раздались испуганные крики и разреженные хлопки аплодисментов – видно, какой-то простак решил, что это часть спектакля.

Ловицкий пошатнулся. Второй невидимый удар окрасил кровью широкий воротник. Голова графа нелепо запрокинулась, и он рухнул навзничь. Ручейки крови побежали по мраморным ступеням.

Ай да Окаянница!

Вот тут уж началось светопреставление. Зал взорвался испуганными воплями, рыданиями, руганью. Визжали женщины. Кто-то из жандармов начал палить в воздух – очень хотелось верить, что в воздух.

Люди бросились прочь. Клемана почти сразу же отёрли к стене. В глазах потемнело.

– Пожар! – взвился над толпой испуганный крик.

Из распахнутых входных дверей в зал валил густой, невероятно едкий дым. Клеман обернулся – и понял, что за кулисами искать спасения тоже не получится: бордовый край занавеса расцвёл огненными языками.

Прикрывая лицо лацканом пиджака, он бросился вперёд.

Усач, не отстававший от Клемана, неожиданно начал шарить руками по стене.

– Эй, курсист, тут гримёрка была, – прокричал он сквозь кашель. – Вдруг пересидим?

Стукнула о стену дверь. Под ногами зашуршала мишура. Где-то там, за рядами вешалок, блеснул спасительный прямоугольник окна.

Клеман рванулся вперед. Высадил стекло ударом локтя, вдохнул полной грудью – и комната поплыла перед глазами. Проклятое окно выходило не на улицу, а в вестибюль.

Бог ты мой, до чего же нелепо – сдохнуть в театральной гримёрке!

– Ирена... – прошептал Клеман.

Чьи-то руки обхватили его плечи и потащили обратно, в дымный чад коридора. Сопротивляться не было сил.

Тёмные волосы щекотали лицо. Мокрые, нет, склизкие – как змеи.

– Что ж ты полез туда, господин?

Клеман приподнялся на локте. Он лежал на припорошенном снегом газоне. Над ним склонилась Окаянница. Серое низкое небо было затянуто чёрными клубами дыма, издали доносился отчаянный звон пожарного колокола, чьи-то крики. К горлу подступила тошнота.

– Почему пожар начался, Катаржина?

– Господин Вацлав приказал, – Каська отвела глаза.

– Там же люди были! Обычные люди, не только ублюдки имперские. Их за что?

В серых глазах не было раскаяния. Вообще ничего не было, кроме страха.

– Тварь. Проклятая тварь, – по щекам Клемана катились слёзы, но он этого не замечал. – Ты же могла их всех спасти!

– Не могла. Я поклялась, слово дала господину Вацлаву.

– Будь ты проклята! – заорал Клеман, поднимаясь на ноги. – Тварь адская... су...

Его начало рвать – позорно, неудержимо. Ненавистные грубые руки подхватили его, не позволяя упасть.

– Тише, господин. Идем уже. Холодно, а ты стоишь на ветру.

– Ну не знал я! Клем, этот театр, он же как муравейник, там сплошь входы-выходы, – оправдывался бледный как полотно Вацлав. – Я думал просто припугнуть всех этих дурней. Припугнуть, слышишь? А она всё не так поняла!

Дурень он, этот Вацек. Что уж теперь...

Клеман закрыл лицо руками.

– Больше такого не повторится, обещаю! Всё вместе решать будем! – голос Вацлава долетал как сквозь вату. – Клем, ну ты чего? Жалко людей, конечно. Так зато сам Родольф нам приглашение прислал! Личной встречи хочет. Представляешь?

– Надо же, – вяло отозвался Клеман. Действительно, большая честь. Князь ведь должен всегда быть настороже – потому и видеть его дозволялось лишь очень немногим членам Братства. Тем, кто доказал преданность на деле, пролив кровь во имя Валации... как видно, неважно, чью кровь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.